

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ |
METHODOLOGICAL PROBLEMS OF LEGAL PSYCHOLOGY

Оценка риска радикализации в подростково-молодежной среде: потенциал социально-психологического знания

Дворянчиков Н.В.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1462-5469>, e-mail: dvorian@gmail.com

Бовин Б.Г.

Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний России (ФКУ НИИ ФСИН России), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9255-7372>, e-mail: bovinbg@yandex.ru

Бовина И.Б.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9497-6199>, e-mail: innabovina@yandex.ru

Проблема: терроризм существует более двух тысячелетий, развиваясь, изменяясь и приобретая новые черты и особенности, характерные для той или иной эпохи; он, однако, сохранил одну особенность неизменной: терроризм по-прежнему представляет собой серьезную угрозу для общества. Цель: в фокусе нашего внимания в настоящей работе оказывается рассмотрение потенциала социально-психологического знания для оценки риска радикализации в подростково-молодежной среде. Это и определяет цель излагаемого здесь теоретико-аналитического исследования. Результаты: в ситуации отсутствия инструментов оценки риска эмпирически проверенной теорией, адекватной для объяснения процесса радикализации (принимая во внимание, что человек не радикализуется в одиночестве, совершение действий, сопряженных с крайним насилием, не является автоматическим продолжением экстремальных (или радикальных) идей), выступает теория неопределенности — идентичности М. Хогга.

Ключевые слова: радикализация, терроризм, неопределенность, социальная идентичность, оценка риска.

Финансирование. Работа выполнена в рамках научно-исследовательского проекта (Государственное задание Министерства просвещения Российской Федерации № 073-00110-22-02 от 08.04.2022 «Оценка риска радикализации в подростково-молодежной среде»).

Для цитаты: *Дворянчиков Н.В., Бовин Б.Г., Бовина И.Б.* Оценка риска радикализации в подростково-молодежной среде: потенциал социально-психологического знания [Электронный ресурс] // Психология и право. 2022. Том 12. № 2. С. 207–223. DOI:10.17759/psylaw.2022120215

Radicalisation among Young People: In Search of Risk Assessment Model

Nikolay V. Dvoryanchikov

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1462-5469>, e-mail: dvorian@gmail.com

Boris G. Bovin

Research Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9255-7372>, e-mail: bovinbg@yandex.ru

Inna B. Bovina

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9497-6199>, e-mail: innabovina@yandex.ru

Problem. Terrorism is a long-standing phenomenon, it has existed for more than two millennia. It has been changing over time, acquiring the new features and characteristics of a particular era, but one feature has retained unchanged: terrorism still poses a serious threat to society. **Purpose:** the focus of our attention in this paper is to look into the potential of socio-psychological knowledge to assess the risk of radicalization in the adolescent and youth environment. This determines the purpose of the theoretical analysis presented here. **Results:** In the absence of risk assessment tools, M. Hogg's theory of uncertainty-identity is an empirically proven theory adequate to explain the process of radicalisation (taking into account that a person is not radicalised alone, committing actions involving extreme violence is not an automatic continuation of extreme (or radical) ideas). The model explains why and how people join groups with extremist and radical beliefs, as well as why they prefer acts of violence, acting on behalf of these groups.

Keywords: radicalisation, terrorism, uncertainty, social identity, risk assessment.

Funding. The work was performed as a part of the research project “Assessment of the radicalisation risk among young people” (State assignment of the Ministry of Education of the Russian Federation, no. 073-00110-22-02 dated 08.04.2022).

For citation: Dvoryanchikov N.V., Bovin B.G., Bovina I.B. Radicalisation among Young People: In Search of Risk Assessment Model. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2022. Vol. 12, no. 2, pp. 207–223. DOI:10.17759/psylaw.2022120215 (In Russ.).

Введение

В фокусе нашего внимания в настоящей работе оказывается обсуждение потенциала социально-психологического знания для оценки риска радикализации в подростково-молодежной среде. Это и определяет цель излагаемого здесь теоретико-аналитического исследования.

Если считать, что первым случаем террористического акта является событие, имевшее место в Иерусалиме в первом веке до нашей эры, когда бойцы, вооруженные кинжалами, организовали ряд нападений на своих противников среди бела дня, преследуя цель спровоцировать восстание против римского правления [8], то можно заключить, что терроризм — это старинное явление в жизни цивилизации.

За все время своего существования терроризм несомненно развивался и модифицировался, приобретая новые черты и особенности, характерные для той или иной эпохи. Одна особенность этого явления осталась неизменной: терроризм представляет собой серьезную угрозу для общества. Представители различных дисциплин, будь то политические и юридические науки, история и философия, социология и психология, прикладывают свои усилия для того, чтобы понять суть явлений радикализации и терроризма, поскольку стратегия противодействия терроризму нуждается не только в теоретических построениях, но и в эмпирических фактах для своего эффективного функционирования.

Оставляя в стороне дискуссию об определении терроризма (она имеет место быть в социальных науках, в частности, в работе по политическому терроризму, увидевшей свет в 1988 [25], список определений включал более ста вариантов, за десятилетия, прошедшие с того момента, он, несомненно, пополнился еще целым рядом новых конструктов), согласимся с А. Круглянски, который утверждает, что «...понятие терроризма оказалось невосприимчивым к согласованному определению» [25, с. 2]. В настоящей работе воспользуемся определением, на которое зачастую ссылаются исследователи в своих работах: «...действия негосударственных субъектов, связанные с угрозой или фактическим применением незаконной силы или насилия для достижения политической, экономической, религиозной или социальной цели посредством страха, принуждения или запугивания» [12, с. 496]. Такая трактовка терроризма позволяет объединять несколько его разновидностей: левого толка (основанный на леворадикальной идеологии), правого толка (терроризм, основанный на праворадикальной идеологии), сепаратистский (или националистический, нацеленный на борьбу за независимость), религиозный (апеллирующий к религиозным категориям) [24]. Добавим, что террористическая активность реализуется группой, и этот чрезвычайно важный момент следует принимать во внимание.

В 60-х гг. XX века, когда исследования терроризма были относительно немногочисленными, психологическое сообщество склонялось в пользу использования конструктов клинической психологии для объяснения этого феномена. Для объяснения процесса радикализации, в результате которого легитимизируется терроризм, исследователи апеллировали к идее о существовании профиля террориста, некоторой патологической личности, имеющей предрасположенность к совершению насилия [12].

В современном мире состояние дел характеризуется рядом важных трансформаций. Во-первых, изменился сам терроризм, из классического, ограниченного рамками того или иного государства, в глобализированном мире терроризм приобрел черты этого мира, превратившись в глобальный, выходящий за границы только одного государства, становящийся безграничным по своей направленности и масштабу, как подчеркивает М. Вьеверка [34]. По сути, с опорой на идеи Ж. Бодрийера [1], террористические организации так встраиваются в глобализированную систему, что сливаются с ней, используют новейшие достижения цивилизации для того, чтобы бороться с ней самой.

Дж. Виктороф [33] обозначает целый ряд взаимосвязанных процессов, происходящих в обществе, которые, несомненно, сопряжены с трансформацией терроризма из классического в современный. С одной стороны, имеет место глобализация торговли, путешествий и распространения информации (так называемая пятая информационная революция [3]). Все это высвечивает экономическое неравенство и идеологическую конкуренцию; как следствие, люди, расположенные в различных точках планеты, могут теперь объединяться и координировать свою совместную террористическую активность. С другой стороны, религиозный

фундаментализм занимает важное место в современном обществе; Дж. Викторофф обозначает его как «...обиженного конкурента рыночно-экономических, демократических и светских тенденций современности» [33, с.3]. Наконец, речь идет о доступности оружия массового уничтожения, так сказать, о его приватизации, что значительно облегчает задачу террористических организаций в совершении масштабных действий [33]. По статистическим данным, представленным в Глобальной базе данных по терроризму, с 1970 по 2019 г. взрывы и вооруженные нападения являются ведущими способами совершения террористических атак (соответственно 95966 и 51632 случаев) [13]. В то же самое время представители террористических организаций призывают к совершению атак с использованием любых доступных средств, не требующих ни больших финансовых вложений, ни специальной подготовки и квалификации для достижения цели (будь то кухонный нож или автомобиль; с помощью последнего неоднократно осуществлялись наезды на толпу мирных граждан в различных городах мира).

Во-вторых, после событий 11 сентября 2001 года в социальных науках наблюдается ошутимый рост исследовательского интереса к проблеме терроризма [28]. В современной литературе сложился своего рода консенсус относительно того, что объяснительными конструктами радикализации являются психологические переменные, применяемые для «нормальной» популяции [2; 10; 12], а также согласованная позиция исследователей относительно того, что единого психологического профиля террориста не существует. Это подкрепляется результатами систематического анализа литературы по проблеме связи психического неблагополучия и вовлеченности в террористическую деятельность: психическое неблагополучие не выступает ни единственным, ни достаточным фактором для объяснения процесса легитимизации терроризма и вовлеченности в террористическую деятельность. Психическое неблагополучие не встречается чаще среди представителей террористических групп по сравнению с популяцией того же возраста. Среди одиноких террористов, однако, представленность психического неблагополучия выше, по сравнению с населением в целом. Кроме того, в отношении этой категории террористов констатируется закономерность следующего толка: чем в большей степени изолирован человек, совершающий террористические действия, тем выше представленность психического неблагополучия среди этой категории террористов, по сравнению с населением в целом [30].

Если обратиться к логике эпистемологического континуума, предложенного В. Дуазом, где предлагается разделять ряд уровней, на которых выстраивается объяснение в социальной психологии (интраиндивидуальный, интериндивидуальный, позиционный и идеологический) [9], то представляется возможным заключить, что многочисленные объяснительные модели радикализации (процесса, который ведет к легитимизации актов насилия, терроризма [22]) занимают все уровни этого континуума.

Модели радикализации в самом простом варианте можно разделить на две группы: континуумные и поэтапные. В первом случае в фокусе внимания оказываются факторы, которые влияют на процесс радикализации; во втором случае в фокусе внимания оказывается содержание самого процесса радикализации, который разворачивается во времени [22].

Как отмечалось выше, с 2001 г. наблюдается постоянный рост работ, посвященных проблемам терроризма и радикализации, но по-прежнему неразрешенными остаются следующие проблемы.

Во-первых, практически все модели радикализации едва ли получили систематическую эмпирическую проверку, не говоря об опоре на результаты экспериментальных исследова-

ний [22; 33]. Очевидно, что проведение проспективных экспериментальных исследований не представляется возможным. В то же самое время, без систематической эмпирической проверки теоретические модели остаются описательными и едва ли могут быть использованы для прогноза или оценки риска радикализации.

Во-вторых, тезис о том, что террористические акты с необходимостью являются продолжением экстремистских идей, является ошибочным [26]. Как отмечает К. Маккалей, 99% людей, разделяющих экстремистские воззрения, никогда не перейдут к совершению экстремистских действий; кроме того, те, кто совершил террористические действия, не имеют при этом тех самых экстремистских идей, которые можно было бы ожидать для объяснения поведения, характеризующегося насилием в крайней форме (террористический акт).

Наконец, объяснительный конструкт, к которому стоило бы апеллировать, возвращаясь к идее эпистемологического континуума В. Дуаза [9], предполагает принадлежность к более высокому уровню объяснения, чем интраиндивидуальный. Напомним, что террористическая деятельность осуществляется группой. Кроме того, радикализация — это своего рода способ коллективного ответа на ситуацию реального или воображаемого межгруппового конфликта [31]. Это только еще раз говорит в пользу того, что индивиды радикализируются не в одиночестве, а как часть группы. Именно группа конструирует для них социальную реальность и создает соответствующую социальную идентичность [31; 32]. Отсюда следует, что в объяснительной модели процесса легитимизации терроризма (т. е. радикализации) должны учитываться групповые процессы.

Если принимать во внимание высказанные выше замечания, то модель оценки риска должна основываться на такой объяснительной схеме, которая бы имела солидный запас экспериментальных фактов, позволила бы объяснить проблему радикализации как групповой процесс, не допуская при этом ошибочного суждения о том, что совершение действий, сопряженных с крайним насилием, не является автоматическим продолжением экстремальных (или радикальных) идей.

Оценка риска радикализации в подростково-молодежной среде: возможности и ограничения

В широком смысле «...оценка риска может быть определена как попытка предсказать вероятность будущего, обычно — негативного события, путем рассмотрения факторов, которые, как считается, связаны с вероятностью события» [15, с. 283]. Традиционно оценка риска в психологии используется специалистами в области психического здоровья для принятия решения о риске совершения насилия тем или иным индивидом [15; 27]. По сути, та же самая логика была заимствована для оценки риска в случае радикализации и перехода к актам терроризма.

Оценка риска радикализации представляет собой часть широкой стратегии предупреждения терроризма на ранней стадии. Если акцентировать внимание на деятельности по профилактике терроризма и радикализации, то станет очевидным, что оценка риска радикализации в подростково-молодежной среде обладает высокой ценностью и значимостью, с учетом того факта, что присоединение к террористическим группам и организациям (как показывают социально-демографические данные [6]) происходит скорее в молодом возрасте. Таким образом, появляется инструмент для ранней диагностики и профилактики радикализации.

В то же самое время, существует целый ряд серьезных препятствий для того, чтобы оценить или спрогнозировать риск радикализации. Одно препятствие касается проблемы про-

гноза в психологии в целом [4; 11]. Попытка предсказать то, как будет действовать тот или иной индивид, скорее всего, базируется на постулатах теоретической модели или закономерности и требует особой аккуратности в применении, на что неоднократно указывалось в литературе [11; 14; 27]. Отсюда вытекает другое препятствие — этического характера. Построение прогноза в нашем случае может означать, что индивид наделяется своего рода «ярлыком», относительно риска участия в терроризме, в то время как субъект не будет осуществлять действий террористического характера [27]. Тем не менее, логика построения модели оценки риска не является новой, обозначенные выше препятствия на пути построения прогноза должны быть, несомненно, приняты во внимание для поиска более надежного и тонкого инструмента оценки риска радикализации.

С опорой на анализ литературы предлагается различать три подхода к оценке риска: на одном полюсе располагается подход, при котором специалисты принимают решение об оценке риска, основываясь на своем профессиональном опыте и знаниях особенностей индивида, относительно которого оценивается риск радикализации. К недостаткам этого подхода относят различного рода пристрастности и субъективности при принятии решения [27]. На другом полюсе находится подход, основанный на оценке риска с помощью ряда индикаторов, что позволяет вычислить интегральный показатель риска с помощью определенного алгоритма. К несомненным преимуществам этого подхода относится эксплицированность процедуры и объективность при принятии решения о риске [27]. В качестве недостатка этого подхода можно усмотреть ту теоретическую конструкцию, которая операционализируется в виде системы эмпирических индикаторов для измерения риска. Наконец, промежуточная позиция на континууме соответствует третьему подходу, который комбинирует эти два подхода, преодолевая, до определенного предела, недостатки каждого из них и используя преимущества. Как подчеркивает К. Сарма, третий подход, оказывается более гибким и более адекватным в ситуации неопределенности (характеризующейся недостатком информации при принятии решения о риске) [27].

Модели оценки риска нашли свое применение в пенитенциарной системе ряда стран [23; 27]. При работе с осужденными использование инструмента для оценки риска радикализации позволяет принимать то или иное решение о реинтеграции осужденных [27]. Однако в меньшей степени разработанным оказывается система мониторинга, которая могла бы позволить выявить уязвимых к радикализации индивидов до того, как будет совершен террористический акт (т. е. будет совершено преступление) [27].

В ряде Европейских стран в образовательных учреждениях и в организациях, работающих с молодежью, на практике нашли свое применение системы индикаторов для оценки уязвимости индивидов [27]. К примеру, в рамках проекта SAFIRE (при поддержке ЕС), на основе консультаций со специалистами по борьбе с радикализацией (N=28), была разработана система наблюдаемых показателей (21 признак), которые были сгруппированы следующим образом: 1) идентичность и поиск идентичности; 2) ингрупповая и аугрупповая дифференциация; 3) социальное взаимодействие, способствующее насилию, сочетающееся с дистанцированием от привычного окружения (друзья и семья); 4) трансформация имиджа; 5) ассоциирование с экстремистскими группами [27].

В Великобритании в образовательных учреждениях и в организациях, работающих с молодежью, используется практическое руководство, направленное на диагностику уровней уязвимости к радикализации. Первый уровень включает когнитивно-эмоциональные особенности, которые делают человека уязвимым к воздействию со стороны террористической ор-

ганизации. Второй уровень объединяет ряд признаков, которые указывают на готовность индивида к применению насилия, в сочетании с дегуманизацией тех или иных категорий населения, на которых направлены действия террористических организаций. Наконец, третий уровень касается способности причинить вред (включает знания, умения и навыки, а также доступ к соответствующему оборудованию) [27].

В обоих случаях открытыми оказываются вопросы о психологических механизмах, по которым происходит радикализация, о теоретической модели, которая бы объясняла действие этих механизмов. Эти примеры наглядно демонстрируют, что модель оценки риска радикализации должна иметь под собой адекватную теоретическую основу: применимую для объяснения процесса радикализации, в которой отношения между переменными концептуализированы и опираются на экспериментальные факты. Любопытно, что В. Херрингтон и К. Робертс в главе, посвященной оценке риска и контртерроризму, приходят к сходному заключению: «При отсутствии инструментов оценки риска <...> вместо того, чтобы полагаться на субъективное мнение с сопутствующим риском предвзятости, оценке риска может помочь использование эмпирически подтвержденной теории из социальных наук» [14, с. 303]. В качестве примера такой теории авторы отдают предпочтение теории развития малой группы Такмена. С нашей точки зрения, кандидатом на роль такой теории является теория неопределенности — идентичности М. Хогга; рассмотрим ее основные положения.

Радикализация с точки зрения теории идентичности — неопределенности М. Хогга

В теории неопределенности — идентичности М. Хогга [16—20], основанной на идеях теории социальной идентичности Г. Тэшфела [29], предлагается психологический механизм радикализации, т. е. объясняется то, почему и как индивид осуществляет выбор в пользу группы с жесткими правилами. Преимущества данной теории по сравнению с другими объяснительными схемами радикализации состоят в следующем.

1. В качестве объяснительного конструкта используется социальная идентичность, т. е. индивидуальные действия определяются социальными силами [17]. Другими словами, уровень объяснения этой теории в терминах эпистемологического континуума В. Дуаза адекватен для объяснения процесса радикализации, поскольку позволяет говорить о групповых и межгрупповых процессах.

2. Подход социальной идентичности — одна из ключевых теоретических традиций европейской социальной психологии. Таким образом, имеет место не только концептуализация переменных теории, но и многократная проверка положений теории экспериментальным образом. Это говорит в пользу объяснительного потенциала теории неопределенности — идентичности, унаследованного от подхода социальной идентичности. Как отмечалось выше, объяснительные схемы процесса радикализации (так называемые частные теории) не получили систематической эмпирической проверки [22; 26].

3. Теория неопределенности — идентичности нацелена на рассмотрение мотивационного аспекта в рамках подхода социальной идентичности, она релевантна для объяснения процессов современного общества, ибо демонстрирует способ разрешения парадокса постмодернизма: получая свободу, индивид страдает от неопределенности (Что делать? Кем быть? Что думать? Что чувствовать?); как следствие, возникает стремление к определенности и абсолюту, что и делает привлекательными группы с жесткими правилами и идеологическими системами убеждений [20].

4. Наконец, теория неопределенности — идентичности апеллирует к историческим фактам: неопределенность в обществе сопровождается религиозным фанатизмом и предпочтением в пользу экстремистских и радикальных идей [21]. В качестве примеров, восходящих к событиям XX века, М. Хогг с коллегами указывают на Великую депрессию, которая привела к росту национально-политического экстремизма, обернувшись мировой войной и Холокостом, стоившим человечеству десятков миллионов жизней [21]. Неопределенность и неуверенность в завтрашнем дне, порожденные быстрыми технологическими, социокультурными и нормативными преобразованиями в США в 60—70 гг. прошлого столетия, сопровождалась интересом молодежи к экстремистским контркультурным движениям, религиозным культам и радикальным политическим организациям, которые в понимании М. Хогга с коллегами [21] соответствуют экстремистским. Этот список, несомненно, можно дополнить событиями XXI века. В такие исторические моменты, заставляющие людей переживать неопределенность, привлекательными оказываются радикальные и экстремистские воззрения в силу их однозначности и определенности, к которой стремится индивид, испытывающий чувство неопределенности.

Теория неопределенности — идентичности, восходя к идеям Г. Тэшфела, унаследовала ряд ключевых положений подхода социальной идентичности, в частности, трактовку социальной идентичности, под которой предлагается понимать «... знание индивидом своей принадлежности к определенным социальным группам вместе с некоторой эмоциональной и ценностной значимостью для него принадлежности к этой группе» [29, с. 292]. Человеку необходимо это знание, поскольку именно из него он извлекает чувство self. С точки зрения подхода социальной идентичности, группа — это категория людей, разделяющих одну и ту же социальную идентичность, оценивающих себя сходным образом (ингруппа), отличающихся от людей с другой идентичностью (аутгруппа), стремящихся к поддержанию позитивной социальной идентичности [16]. Человек нуждается в устойчивом чувстве идентичности (Кто я такой? Где мое место в мире?), ибо неопределенность о себе затрудняет построение поведения в мире [7; 18]. Социальная идентичность является интернализированной групповой принадлежностью, она дает ответ на вопрос «Кто мы такие?» в том или ином контексте [18]. Последствия идентификации человека с группой таковы: обретение ценностей и норм этой группы и действие в соответствии с ними; влияние друг на друга; обретение чувства сходства с другими членами группы, взаимозаменяемость и доверие, готовность оказать помощь членам своей группы и ожидать того же от других; обретение смысла, цели и ценности своего существования, чувства эффективности и власти [14]. Таким образом, получая от группы социальную идентичность, индивид обретает определенность в отношении того, кем он является, каково его место в социальном мире, что ему думать, чувствовать и как поступать, как другие воспринимают его и каких действий от них ожидать [16; 17].

Человек может обладать рядом социальных и персональных идентичностей (другой вид идентичности, характеризующий человека в терминах личностных атрибутов). Важность той или иной социальной идентичности варьирует в зависимости от контекста, в определенный момент только одна идентичность является актуализированной; через призму этой социальной идентичности человек интерпретирует себя, воспринимает других и выстраивает свое социальное взаимодействие с окружающими [16]. Психологическому благополучию индивида способствует обладание рядом совместимых друг с другом позитивных социальных идентичностей [14].

К подходу социальной идентичности восходит тезис о том, что люди представляют группу или социальную категорию как некоторый прототип (расплывчатый набор атрибутов, объединяющих восприятие, аттитюды, чувства, и предписывающий индивиду то или иное поведение). Прототип позволяет говорить о том, что характеризует одну группу («мы — такие») и отличает ее от других групп («они — иные»).

В традиционном понимании в повседневной жизни человека все время окружает неопределенность, сопряженная с различными событиями: безработица, война, кризис, эпидемия. Кроме того, в современной ситуации глобализованного мира жизнь человека становится еще более непредсказуемой, непонятной и пугающей [21]. Она полна неопределенности на разных уровнях: глобализация, иммиграция, технический прогресс, неограниченный доступ к информации и пр. [18]. Процесс общения в современном мире трансформировался, его преимущественная часть связана с использованием информационно-коммуникативных технологий. Интернет, с точки зрения А. Хогга, — это своего рода инструмент для повышения дискомфорта от неопределенности. Не любая неопределенность мотивирует индивида к действиям, но только та, которая затрагивает его self, значима для него, на разрешение которой индивид тратит свою когнитивную энергию [19].

В теории неопределенности — идентичности можно обнаружить специфическую трактовку неопределенности, отличающуюся от тех, что имеются в психологическом знании (тема неопределенности не является новой, уже привлекала внимание ранее — Э. Фромм, Л. Фестингер, Д. Канеман [19]): 1) в фокусе внимания теории находятся социальная идентичность и коллективное Я; 2) неопределенность не является атрибутом личности, она зависит от контекста; 3) социально-когнитивный процесс позволяет трансформировать неопределенность в групповое поведение [20].

Чувство неопределенности ассоциировано с целым рядом вопросов, например: Кто я такой? Где мое место в этом мире? что нужно думать, чувствовать и как именно поступать в той или иной ситуации? Для того чтобы снизить это неприятное чувство неопределенности человек стремится к другим, которые помогут ему понять, что думать, как чувствовать и действовать. С одной стороны, важна роль коммуникации, которая позволяет получить нормативную информацию о прототипе ин- и аутгруппы, по сути, о социальной идентичности [5]. С другой стороны, социальная категоризация способствует снижению чувства неопределенности, поскольку она придает смысл миру и делает предсказуемым поведение в этом мире [5]. И чем больше человек испытывает чувство неопределенности, связанное с self, тем больше он стремится к группам с высокой энтитативностью. Характерными особенностями таких групп являются: наличие четких границ, внутренняя однородность, иерархическая структура группы и общность судьбы ее членов [19]. Привлекательность именно таких групп объясняется тем, что эти группы обладают специфическим прототипом: ясным, предписывающим, согласованным (любое инакомыслие исключается, так как оно способствует возникновению неопределенности, ставит под сомнение вопрос о валидности групповых норм, расшатывает межгрупповое отличие [5]).

Иначе говоря, люди, испытывая чувство неопределенности, становятся уязвимыми к разделению радикальных идей и членству в соответствующих группировках (с ортодоксальными или экстремистскими взглядами, имеющими жесткую идеологическую систему убеждений, авторитарное лидерство [5; 16]), поскольку таким образом индивиды получают простые и однозначные ответы на беспокоящие их вопросы, обретают искомую социальную идентичность, получают нормы и правила поведения, направление мыслей и чувств. Группа с ради-

кальными или экстремистскими взглядами становится основой для самоопределения. Происходящая трансформация объясняется контекстом, а не личностными диспозициями индивида, поскольку в ситуации неопределенности люди испытывают острую потребность в том, чтобы им указывали направление мыслей и действий, в результате предпочтение отдается авторитарному лидеру; те же самые люди вне ситуации неопределенности не отдают предпочтений ни такой группе, ни такому стилю лидерства [5].

Как подчеркивает М. Хогг, атрибуты групп, к которым стремится человек в ситуации неопределенности, напоминают нарциссизм, только на уровне группы [19]. В таких общностях ценностное сходство является определяющим признаком, ценности и установки переплетены с идеологическими системами, образуя, таким образом, прочную основу для объяснения и ответа на вопросы. Очевидно, что эти особенности эффективны для снижения неопределенности: присоединяясь к такой группе, человек получает всеохватывающую, ригидную, эксклюзивную и предписывающую в крайней степени социальную идентичность и чувство Я [16; 19]. Группы с экстремистскими или радикальными взглядами задают своим членам четкий стандарт того, что является правильным, а что ошибочным. Как следствие, члены группы получают однозначную основу для оценки представителей аутгруппы, дегуманизируя их, что в результате оправдывает любые действия в отношении этих людей [16]. Чем выше идентификация с такими группами у индивида, тем больше вероятность, что он будет вовлекаться в радикальные действия во имя этой группы, поскольку социальная идентичность, особенно если она единственная, эксклюзивная и ригидная, способствует мобилизации. Обратим особое внимание на это положение теории, оно позволяет проводить водораздел между участниками некоторой деятельности и сочувствующими, теми, кто имеет позитивные установки, но не имеет соответствующей социальной идентичности. Сочувствующие никогда не перейдут к конкретным действиям, что лишний раз говорит в пользу идентичности как механизма, который подталкивает к действию от имени группы [16].

Если обобщать суть теории неопределенности — идентичности, то представляется возможным говорить о том, что снижение неопределенности является собой трехступенчатый процесс: 1) человек испытывает неопределенность, переживая ее как некоторую угрозу в отношении self; 2) для того чтобы управлять неопределенностью, человек ищет группу (групповой прототип); 3) в ситуации неопределенности привлекательными оказываются не любые, а только определенные группы, дающие индивиду ясный, простой, четкий прототип. Как следствие: неопределенность снижается, ибо человек получает информацию о том, что думать, чувствовать и как поступать, а также чего именно ждать от окружающих, как выстраивать с ними взаимодействие [5]. Этот процесс отражает основное предположение теории неопределенности — идентичности, получившее многочисленную эмпирическую поддержку в экспериментальных исследованиях: в метааналитическом исследовании, реализованном на 35 исследованиях из 30 статей ($N = 4,657$), было показано, что неопределенность в отношении self усиливает групповую идентификацию [7].

Безусловно, речь не идет об экспериментальных исследованиях процессов радикализации в случае религиозного терроризма, но логика модели М. Хогга демонстрирует, что теория неопределенности — идентичности описывает психологический механизм, объясняющий то, почему и как люди присоединяются к группам с экстремистскими и радикальными взглядами, стремясь преодолеть чувство неопределенности и как следствие — почему они отдают предпочтение актам насилия, действуя от имени этих групп [5]. Кроме того, эта теория про-

демонстрировала свою действенность для объяснения того, почему подростки присоединяются к бандам [35].

Если вновь взглянуть на индикаторы, используемые в руководстве по оценке риска, только теперь через призму теории неопределенности — идентичности, то ряд признаков, которые были описаны в модели SAFIRE, становятся понятными в логике этой теории. Итак, индивид радикализируется не в одиночестве, но как член группы [32]. Именно группа конструирует определенную социальную реальность, именно группа задает социальную идентичность. Подчеркнем особо, что этой социальной идентичности присущи специфические особенности: она является всеохватывающей, ригидной, эксклюзивной и предписывающей в крайней степени [16; 19]. Как следствие, индивид, приобретая ее, отходит от привычных групп, что оборачивается дистанцированием от семьи и друзей, новая социальная идентичность заменяет собой все остальные социальные идентичности.

Если вернуться к другой системе оценки риска, где с помощью набора индикаторов предлагается путем наблюдения фиксировать особенности поведения радикализирующихся субъектов, то опять же параметры одного из уровней станут понятными через призму теории неопределенности — идентичности: так, группы с экстремистскими и радикальными взглядами задают своим членам четкий стандарт того, что является правильным, а что нет. Как следствие, члены группы получают однозначную основу для оценки представителей аутгруппы, включая их дегуманизацию, что в результате оправдывает любые действия в отношении этих людей [16]. Все это становится понятным, если опираться на логику групповых и межгрупповых процессов, представленных в подходе социальной идентичности в целом и в теории неопределенности — идентичности — в частности.

Позволим заметить, что распознавание признаков, связанных с радикализацией, в обеих системах свидетельствует в пользу того, что индивид под вопросом прошел значительную часть пути под названием «радикализация» (в соответствии с определением, использованным выше [21], это путь, ведущий к легитимизации терроризма). В связи с этим технология оценки риска должна опираться на такие способы диагностики, которые позволили бы распознать признаки радикализации на более ранней стадии. И в том смысле теория неопределенности — идентичности М. Хогга [16—20] является той самой теоретической рамкой, которая имеет потенциал для разработки модели оценки риска радикализации в подростково-молодежной среде.

Заключение

Итак, в фокусе нашего внимания в настоящей работе оказалось обсуждение потенциала социально-психологического знания для оценки риска радикализации в подростково-молодежной среде. Если опираться на определение, согласно которому «...оценка риска может быть определена как попытка предсказать вероятность будущего, обычно негативного события, путем рассмотрения факторов, которые, как считается, связаны с вероятностью события» [15, с. 283], то необходимо принимать во внимание тот факт, что существуют серьезные препятствия для того, чтобы оценить или спрогнозировать риск радикализации. Во-первых, это касается проблемы прогноза в психологии в целом [4; 11]. Попытка предсказать то, как будет действовать тот или иной индивид, скорее всего базируется на постулатах теоретической модели или закономерности и требует особой аккуратности в применении [27]. Во-вторых, речь идет о препятствии этического характера. Построение прогноза в случае радикализации сопряжено с опасностью надления человека «ярлыком» относительно риска

участия в терроризме, в то время как субъект не будет осуществлять действий террористического характера [27]. Отсюда необходимость адекватного инструмента для того, чтобы построить прогноз.

В ситуации отсутствия инструментов оценки риска эмпирически проверенной теорией, адекватной для объяснения процесса радикализации (принимая во внимание, что человек не радикализуется в одиночестве, совершение действий, сопряженных с крайним насилием, не является автоматическим продолжением экстремальных (или радикальных) идей), выступает теория неопределенности — идентичности М. Хогга, основные положения которой и были рассмотрены выше.

Литература

1. *Бодрийяр Ж.* Дух терроризма. Войны в Заливе не было. М.: Рипол-Классик. 2017. 226 с.
2. *Гомес А.* Различия между джихадистами и нерадикальными мусульманами и программы дерадикализации в Испании. Научно-методологический семинар «Психология экстремизма, радикализации и дерадикализации». Москва, МГППУ, 11 мая 2021 [Электронный ресурс] // Канал МГППУ на YouTube. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=kEiNNpK0uoQ> (дата обращения: 14.03.2022).
3. *Ракитов А.И.* Новый подход к взаимосвязи истории, информации и культуры: пример России // Вопросы философии. 1994. № 4. С. 14–34.
4. *Юревич А.В.* Методология и социология психологии. М.: Институт психологии РАН, 2010. 272 с.
5. *Belavadi S., Hogg M.A.* Social categorisation and identity process in uncertainty management: the role of intragroup communication // *Advances in Group Processes* / S.R. Thye, E.J. Lawler (eds.). Bingley: Emerald Publishing Limited. 2019. P. 61–77. doi:10.1108/S0882-614520190000036006
6. *Brugh C.S., Desmarais S.L., Simons-Rudolph J., Zottola S.A.* Gender in the jihad: Characteristics and outcomes among women and men involved in jihadism-inspired terrorism // *Journal of Threat Assessment and Management*. 2019. Vol. 6. P. 76–92. doi:10.1037/tam0000123
7. *Choi E.U., Hogg M.A.* Self-uncertainty and group identification: A meta-analysis // *Group Processes and Intergroup Relations*. 2019. P. 1–19. doi:10.1177/1368430219846990
8. *Cronin A.K.* Behind the curve. Globalization and international terrorism // *International Security*. 2002/2003. Vol. 27. P. 30—58.
9. *Doise W.* Levels of explanation in social psychology. Cambridge : Cambridge University Press. 1986. 242 p.
10. *Doosje B., Loseman A., Van den Bos K.* Determinants of Radicalisation of Islamic Youth in the Netherlands: Personal Uncertainty, Perceived Injustice, and Perceived Group Threat // *Journal of Social Issues*. 2013. Vol. 69 (3). P. 586–604. doi:10.1111/josi.12030
11. *Fowler J.C.* Suicide risk assessment in clinical practice: pragmatic guidelines for imperfect assessments // *Psychotherapy*. 2012. Vol. 49(1). P. 81–90.
12. *Gelfand M.J., LaFree G., Fahey S., Feinberg E.* Culture and Extremism // *Journal of Social Issues*. 2013. Vol. 69(3) P. 495–517. doi:10.1111/josi.12026
13. Global Terrorism database. 2020. URL: <https://www.start.umd.edu/gtd/search/Results.aspx?search=&sa.x=54&sa.y=3> (дата обращения: 26.01.2022).

Дворянчиков Н.В., Бовин Б.Г., Бовина И.Б.
Оценка риска радикализации
в подростково-молодежной среде:
потенциал социально-психологического знания
Психология и право. 2022. Том 12. № 2. С. 207–223.

Dvoryanchikov N.V., Bovin B.G., Bovina I.B.
Radicalisation among Young People:
In Search of Risk Assessment Model

Psychology and Law. 2022. Vol. 12, no. 2, pp. 207–223.

14. *Haslam C., Jetten J., Cruwys T., Dingle G., Haslam S.A.* The new psychology of health. London: Routledge, 2018. 490 p.
15. *Herrington V., Roberts K.* Risk assessment in counterterrorism // *Countering terrorism: Psychological strategies* / U. Kumar, M.K. Mandal (eds.). London, United Kingdom: Sage, 2012. P. 282–305.
16. *Hogg M.A.* Self-uncertainty, social identity and the solace of extremism // *Extremism and psychology of uncertainty* / M.A. Hogg, D.L. Blaylock (eds.). Oxford: Wiley-Blackwell, 2012. P. 19–35.
17. *Hogg M.A.* Social identity theory // *Contemporary social psychological theories* / P.J. Burke (ed.). Palo-Alto: Stanford University Press, 2006. P. 111–136.
18. *Hogg M.A.* To belong or not to belong: some self-conceptual and behavioural consequences of identity uncertainty // *Revista de Psicología Social*. 2015. Vol. 30. P. 586–613. doi:10.1080/02134748.2015.1065090
19. *Hogg M.A.* Uncertainty-identity theory // *Advances in experimental social psychology*. Vol. 39 / M.P. Zanna (ed.). San Diego, CA: Academic Press, 2007. P. 69–126.
20. *Hogg M.A.* Uncertainty-identity theory // *Handbook of theories of social psychology* / P.A.M. Van Lange, A.W. Kruglanski, E.T. Higgins (eds.). London: Sage Publications Ltd, 2012. P. 62–80. doi:10.4135/9781446249222.n29
21. *Hogg M., Kruglanski A., Van den Bos K.* Uncertainty and the Roots of Extremism // *Journal of Social Issues*. 2013. Vol. 69(3). P. 407–418.
22. *King M., Taylor D.M.* The Radicalization of Homegrown Jihadists: A Review of Theoretical Models and Social Psychological Evidence // *Terrorism and Political Violence*. 2011. P. 602–622. doi:10.1080/09546553.2011.587064
23. *Knudsen R.A.* Measuring radicalisation: risk assessment conceptualisations and practice in England and Wales // *Behavioral Sciences of Terrorism and Political Aggression*. 2020. Vol. 12(1). P. 37–54. doi:10.1080/19434472.2018.1509105
24. *Koomen W., Van der Pligt J.* Introduction // *The Psychology of Radicalization and Terrorism* / W. Koomen, J. van der Pligt (eds.). New York: Routledge, 2016. P. 1–10.
25. *Kruglanski A., Fishman S.* Psychological Factors in Terrorism and Counterterrorism: Individual, Group, and Organizational Levels of Analysis // *Social Issues and Policy Review*. 2009. Vol. 3. P. 1–44. doi:10.1111/j.1751-2409.2009.01009.x
26. *McCauley C.* The ABC model: Commentary from the Perspective of the Two Pyramids Model of Radicalization // *Terrorism and Political Violence*. 2020. Vol. 34. P. 451–459. doi:10.1080/09546553.2020.1763964
27. *Sarma K.M.* Risk assessment and the prevention of radicalization from nonviolence into terrorism // *American Psychologist*. 2017. Vol. 72(3). P. 278–288. doi:10.1037/amp0000121
28. *Silke A.* The study of terrorism and counterterrorism // *Routledge Handbook of terrorism and counterterrorism* / A.Silke (ed.). New York: Routledge, 2019. P. 1–10.
29. *Tajfel H.* La catégorisation sociale // *Introduction à la psychologie sociale* / S. Moscovici (ed.). Paris: Larousse, 1972. P. 272–302.
30. *Trimbur M.* Les terroristes et personnes radicalisées ont-ils des troubles mentaux ? Une revue systématique de la littérature. Thèse pour le diplôme d'Etat de docteur en médecine. Lille: Université de Lille, 2019. 141 p.

Дворянчиков Н.В., Бовин Б.Г., Бовина И.Б.
Оценка риска радикализации
в подростково-молодежной среде:
потенциал социально-психологического знания
Психология и право. 2022. Том 12. № 2. С. 207–223.

Dvoryanchikov N.V., Bovin B.G., Bovina I.B.
Radicalisation among Young People:
In Search of Risk Assessment Model

Psychology and Law. 2022. Vol. 12, no. 2, pp. 207–223.

31. *van Stekelenburg J., Klandermans P.G.* Radicalization // Identity and Participation in Culturally Diverse Societies. A Multidisciplinary Perspective / A. Azzi, X. Chryssochoou, B. Klandermans, B. Simon (eds.). Blackwell Wiley, 2010. P. 181–195.
32. *van Stekelenburg J., Oegema D., Klandermans P.G.* No radicalization without identification: How ethnic Dutch and Dutch Muslim web forums radicalize over time // Identity and Participation in Culturally Diverse Societies. A Multidisciplinary Perspective / A. Azzi, X. Chryssochoou, B. Klandermans, B. Simon (eds.). Blackwell Wiley, 2010. P. 256–274.
33. *Victoroff J.* The Mind of the Terrorist: A Review and Critique of Psychological Approaches // Journal of Conflict Resolution. 2005. Vol. 49. P. 3–42. doi:10.1177/0022002704272040
34. *Wieviorka M.* From the “classic” terrorism of the 1970s to contemporary “global” terrorism // Societies under threat / D. Jodelet, J. Vala, E. Drozda-Senkowska (eds.). Cham: Springer, 2020. P. 75–85.
35. *Woo D.J., Giles H., Hogg M.A., Goldman L.* A social psychology of gangs: An intergroup analysis // Handbook of gangs and gang responses / S.H. Decker, D.C. Pyrooz (eds.). New York: Wiley-Blackwell, 2015. P. 186–212.

References

1. Baudrillard J. Dukh terrorizma. Voiny v Zalive ne bylo [Spirit of terrorism. The Gulf War will not take place]. Moscow: Ripol-Klassik. 2017. 226 p. (in Russ.).
2. Gomez A. Razlichiya mezhdu dzhikhadistami i neradikal'nymi musul'manami i programmy deradikalizatsii v Ispanii. Nauchno-metodologicheskii seminar “Psikhologiya ekstremizma, radikalizatsii i deradikalizatsii” [Differences between jihadists and non-radical Muslims and deradicalization programs in Spain. Scientific and methodological seminar “Psychology of extremism, radicalization and deradicalization”], Moskva, MGPPU, 11 maya 2021 [Elektronnyi resurs]. *Kanal MGPPU na YouTube*. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=kEiNNpK0uoQ> (Accessed 14.03.2022). (In Russ.).
3. Rakitov A.I. Novyi podkhod k vzaimosvyazi istorii, informatsii i kul'tury: primer Rossii. *Voprosy filosofii = Voprosy Filosofii*, 1994, no. 4, pp. 14–34. (In Russ.)
4. Yurevich A.V. Metodologiya i sotsiologiya psikhologii. Moscow: Institut psikhologii RAN Publ., 2010. 272 p. (in Russ.).
5. Belavadi S., Hogg M.A. Social categorisation and identity process in uncertainty management: the role of intragroup communication. In: S.R. Thye, E.J. Lawler (eds.). *Advances in Group Processes*. Bingley: Emerald Publishing Limited, 2019, pp. 61–77. doi:10.1108/S0882-614520190000036006
6. Brugh C.S., Desmarais S.L., Simons-Rudolph J., Zottola S.A. Gender in the jihad: Characteristics and outcomes among women and men involved in jihadism-inspired terrorism. *Journal of Threat Assessment and Management*, 2019, pp. 76–92. doi:10.1037/tam0000123
7. Choi E.U., Hogg M.A. Self-uncertainty and group identification: A meta-analysis. *Group processes and intergroup relations*, 2019, pp. 1–19. doi:10.1177/1368430219846990
8. Cronin A.K. Behind the curve. Globalization and international terrorism. *International Security*, 2002/2003. Vol. 27, pp. 30–58.
9. Doise W. Levels of explanation in social psychology. Cambridge: Cambridge University Press, 1986. 242 p.

Дворянчиков Н.В., Бовин Б.Г., Бовина И.Б.
Оценка риска радикализации
в подростково-молодежной среде:
потенциал социально-психологического знания
Психология и право. 2022. Том 12. № 2. С. 207–223.

Dvoryanchikov N.V., Bovin B.G., Bovina I.B.
Radicalisation among Young People:
In Search of Risk Assessment Model

Psychology and Law. 2022. Vol. 12, no. 2, pp. 207–223.

10. Doosje B., Loseman A., Van den Bos K. Determinants of Radicalisation of Islamic Youth in the Netherlands: Personal Uncertainty, Perceived Injustice, and Perceived Group Threat. *Journal of Social Issues*, 2013. Vol. 69, pp. 586–604. doi:10.1111/josi.12030
11. Fowler J.C. Suicide risk assessment in clinical practice: pragmatic guidelines for imperfect assessments. *Psychotherapy*, 2012. Vol. 49, pp. 81–90.
12. Gelfand M.J., LaFree G., Fahey S., Feinberg E. Culture and Extremism. *Journal of Social Issues*, 2013. Vol. 69, no. 3, pp. 495–517. doi:10.1111/josi.12026
13. Global Terrorism database. 2020. URL: <https://www.start.umd.edu/gtd/search/Results.aspx?search=&sa.x=54&sa.y=3> (Accessed 26.01.2022).
14. Haslam C., Jetten J., Cruwys T., Dingle G., Haslam S.A. *The new psychology of health*. London: Routledge, 2018. 490 p.
15. Herrington V., Roberts K. Risk assessment in counterterrorism. In: U. Kumar, M.K. Mandal (eds.). *Countering terrorism: Psychosocial strategies*. London, United Kingdom: Sage, 2012, pp. 282–305.
16. Hogg M.A. Self-uncertainty, social identity and the solace of extremism. In: M.A. Hogg, D.L. Blaylock (eds.). *Extremism and psychology of uncertainty*. Oxford: Wiley-Blackwell, 2012, pp. 19–35.
17. Hogg M.A. Social identity theory. In: P.J. Burke (ed.). *Contemporary social psychological theories*. Palo-Alto: Stanford University Press, 2006, pp. 111–136.
18. Hogg M.A. To belong or not to belong: some self-conceptual and behavioural consequences of identity uncertainty. *Revista de Psicología Social*, 2015. Vol. 30, pp. 586–613. doi:10.1080/02134748.2015.1065090
19. Hogg M.A. Uncertainty-identity theory. In: M.P. Zanna (ed.). *Advances in experimental social psychology*. Vol. 39. San Diego, CA: Academic Press, 2007, pp. 69–126.
20. Hogg M. A. *Uncertainty-identity theory*. In P.A.M. Van Lange, A.W. Kruglanski, E.T. Higgins (eds.). *Handbook of theories of social psychology*. London: Sage Publications Ltd, 2012, pp. 62–80. doi:10.4135/9781446249222.n29
21. Hogg M., Kruglanski A., K. Van den Bos. Uncertainty and the Roots of Extremism. *Journal of Social Issues*, 2013. Vol. 69, no. 3, pp. 407–418.
22. King M., Taylor D.M. The Radicalization of Homegrown Jihadists: A Review of Theoretical Models and Social Psychological Evidence. *Terrorism and Political Violence*, 2011, pp. 602–622 doi:10.1080/09546553.2011.587064
23. Knudsen R.A. Measuring radicalisation: risk assessment conceptualisations and practice in England and Wales. *Behavioral Sciences of Terrorism and Political Aggression*, 2020. Vol. 12, no. 1, pp. 37–54. doi:10.1080/19434472.2018.1509105
24. Koomen W., Van der Pligt J. Introduction. In: W. Koomen, J. van der Pligt (eds.). *The Psychology of Radicalization and Terrorism*. New York: Routledge, 2016, pp.1–10.
25. Kruglanski A., Fishman S. Psychological Factors in Terrorism and Counterterrorism: Individual, Group, and Organizational Levels of Analysis. *Social Issues and Policy Review*, 2009. Vol. 3, pp. 1–44. doi:10.1111/j.1751-2409.2009.01009.x
26. McCauley C. The ABC model: Commentary from the Perspective of the Two Pyramids Model of Radicalization. *Terrorism and Political Violence*, 2020. Vol. 34, pp. 451–459. doi:10.1080/09546553.2020.1763964
27. Sarma K.M. Risk assessment and the prevention of radicalization from nonviolence into terrorism. *American Psychologist*, 2017. Vol. 72, no. 3, pp. 278–288. doi:10.1037/amp0000121

Дворянчиков Н.В., Бовин Б.Г., Бовина И.Б.
Оценка риска радикализации
в подростково-молодежной среде:
потенциал социально-психологического знания
Психология и право. 2022. Том 12. № 2. С. 207–223.

Dvoryanchikov N.V., Bovin B.G., Bovina I.B.
*Radicalisation among Young People:
In Search of Risk Assessment Model*
Psychology and Law. 2022. Vol. 12, no. 2, pp. 207–223.

28. Silke A. The study of terrorism and counterterrorism. In: A. Silke (ed.). *Routledge Handbook of terrorism and counterterrorism*. New York: Routledge, 2019, pp. 1–10.
29. Tajfel H. Social psychology of intergroup relations. *Annual Review of Psychology*, 1982. Vol. 33, pp. 1–39. doi:10.1146/annurev.ps.33.020182.000245
30. Trimbur M. Les terroristes et personnes radicalisées ont-ils des troubles mentaux ? Une revue systématique de la littérature. Thèse pour le diplôme d’Etat de docteur en médecine. Lille: Université de Lille, 2019. 141 p.
31. van Stekelenburg J., Klandermans P.G. Radicalization. In: A. Azzi, X. Chrysochoou, B. Klandermans, B. Simon (eds.). *Identity and Participation in Culturally Diverse Societies. A Multidisciplinary Perspective*. New York: Wiley Blackwell, 2010, pp. 181–195.
32. van Stekelenburg J., Oegema D., Klandermans P. G. No radicalization without identification: How ethnic Dutch and Dutch Muslim web forums radicalize over time. In: A. Azzi, X. Chrysochoou, B. Klandermans, B. Simon (eds.). *Identity and Participation in Culturally Diverse Societies. A Multidisciplinary Perspective*. Blackwell Wiley, 2010, pp. 256–274.
33. Victoroff J. The Mind of the Terrorist: A Review and Critique of Psychological Approaches. *Journal of Conflict Resolution*, 2005. Vol. 49, pp. 3–42. doi:10.1177/0022002704272040
34. Wiewiorka M. From the “classic” terrorism of the 1970s to contemporary “global” terrorism. In: D. Jodelet, J. Vala, E. Drozda-Senkowska (eds.). *Societies under threat*. Cham: Springer, 2020, pp. 75–85.
35. Woo D.J., Giles H., Hogg M.A., Goldman L. A social psychology of gangs: An intergroup analysis. In: S.H. Decker, D.C. Pyrooz (eds.). *Handbook of gangs and gang responses*. New York: Wiley-Blackwell, 2015, pp. 186–212.

Информация об авторах

Дворянчиков Николай Викторович, кандидат психологических наук, доцент, декан, факультет юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1462-5469>, e-mail: dvorian@gmail.com

Бовин Борис Георгиевич, кандидат психологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний России (ФКУ НИИ ФСИН России), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9255-7372>, e-mail: bovinbg@yandex.ru

Бовина Инна Борисовна, доктор психологических наук, профессор, кафедра клинической и судебной психологии, факультет юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9497-6199>, e-mail: innabovina@yandex.ru

Information about the authors

Nikolay V. Dvoryanchikov, PhD in Psychology, Docent, Dean, Faculty of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1462-5469>, e-mail: dvorian@gmail.com

Boris G. Bovin, PhD in Psychology, Docent, Leading Researcher, Research Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9255-7372>, e-mail: bovinbg@yandex.ru

Дворянчиков Н.В., Бовин Б.Г., Бовина И.Б.
Оценка риска радикализации
в подростково-молодежной среде:
потенциал социально-психологического знания
Психология и право. 2022. Том 12. № 2. С. 207–223.

Dvoryanchikov N.V., Bovin B.G., Bovina I.B.
Radicalisation among Young People:
In Search of Risk Assessment Model
Psychology and Law. 2022. Vol. 12, no. 2, pp. 207–223.

Inna B. Bovina, PhD in Psychology, Professor, Department of Clinical and Legal Psychology, Faculty of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9497-6199>, e-mail: innabovina@yandex.ru

Получена 14.04.2022
Принята в печать 14.05.2022

Received 14.04.2022
Accepted 14.05.2022